

РОССИЙСКИЕ ОДНОДВОРЦЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС, СОСЛОВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

При осмыслении социально-исторических процессов в России имперского периода в локусе внимания отечественной историографии традиционно оказывались крупные сословные группы – пролетариат, крестьянство, буржуазия. В то же время отечественное социокультурное пространство всегда отличалось этнокультурной и субкультурной мозаичностью. Локально-этнографические сообщества, дисперсно расселённые в пределах различных регионов, в том числе и земледельческого центра страны, характеризовались своеобразием организации хозяйственной жизни, выбором особых поведенческих стратегий в контактных зонах проживания. Локальное сообщество однодворцев занимало промежуточное положение между мелкопоместным дворянством и крестьянством, демонстрируя гибридные признаки этнокультурной и сословной идентичности. Подобный статус однодворцев, посредством обращения к историографической традиции, позволяет обнаружить перспективы изучения группы в более широкой смысловой перспективе, в контексте её миграционной мобильности и участия в переселенческом процессе пореформенного времени.

Ключевые слова: однодворцы; отечественная историография; крестьянство; локально-этнографические группы.

Формирование территориальных границ Российской империи, как продукта внутренней колонизации, стало результатом как минимум двух тенденций. С одной стороны, географический масштаб осваиваемого пространства активно стимулировал практики централизации, что в условиях полиэтничности и поликонфессиональности способствовало внедрению механизмов повторной колонизации, методов имперского принуждения и доминирования. Специфика колонизационного процесса в России определялась вотчинной логикой, сложившейся ещё в период объединительной работы северо-восточных князей и территориальных приращений эпохи Московского царства, в идейных границах которой ключевой оставалась идея отношения к неосвоенным и слабоосвоенным землям, лежавшим к востоку от основного государственного ядра, как к собственности, требующей дополнительной юридической легитимации. В данной ситуации широкий масштаб приобрели практики русификации окраин в процессе организации управления многочисленными локально-этнографическими, субэтническими и религиозными сообществами.

С другой стороны, отдалённость колонизируемых территорий, слабость инфраструктурных связей между центром и окраинами существенно амортизировали продуктивность имперских действий, направленных на «присвоение» территорий, которые определялись в государственном масштабе в качестве своих. Важным фактором, выступавшим в роли препятствия к формированию гомогенного в этническом отношении пространства Российской империи, являлось сохранение отдельных признаков этнокультурной идентичности локально-этнографических групп, к числу которых относились однодворцы южнорусских губерний.

Несмотря на то что в протяжении длительного временного отрезка под влиянием исторических и социальных обстоятельств происходила культурная конвергенция локальной общности однодворцев с русским крестьянством, законодательные меры и политические решения постепенно нивелировали различия в организации хозяйственной деятельности и быта всего земледельческого населения империи, тем не

менее, принадлежность однодворцев к военнослужилому сословию, сложившиеся традиции в условиях жизни на окраине государства не могли не наложить отпечаток на образ жизни локального сообщества, стратегии и практики повседневного поведения, в том числе и в контексте аграрной колонизации Западной Сибири в XIX – начале XX в.

В данном отношении историкам предстоит сложная и многоступенчатая работа, предполагающая дальнейшую детализацию и последовательную научную рефлексию в области составляющих сегментов переселенческого движения в Сибирь, в котором представительство мигрантов южнорусских (центрально-земледельческих) губерний – Воронежской, Орловской, Тамбовской, Курской, Тульской, Пензенской, Рязанской – местах наибольшей концентрации хозяйств однодворческого типа, являлось доминирующим. Не менее существенными являются проблемы описания практик трансляции этнокультурного опыта отдельных локальных групп в новую социокультурную среду, сохранения и видоизменения этнической и сословной идентичности, специфики адаптации к иным условиям жизни и хозяйственной деятельности.

Безусловно, решение поставленных задач предполагает осмысление историографического опыта в исследовании локальных групп европейской части страны, обнаружение лакун, образовавшихся вследствие долговременного доминирования позитивистских подходов к изучению этносоциальных групп, с различной степенью интенсивности интегрированных в общенациональное и государственное пространство Российской империи.

Отметим, что проблемы включённости локально-этнографической группы однодворцев в систему координат переселенческого движения в губернии и области Западной Сибири долгие годы не были вовлечены в спектр российской историографической традиции. Причины подобного положения дел заключались в том, что стартовый период изучения аграрных переселений в России совпал с эпохой Великих реформ 1860–1870-х гг. и освобождением крестьян, а также аграрно-экологическим кризисом в центрально-черноземных губерниях, что моментально придало

теме сибирских переселений яркую политическую и экономико-публицистическую окраску. Во властных структурах утвердилось мнение, что только та земля является русской, где прошёл плуг русского пахаря, а общественные силы видели продуктивность миграций на восточные окраины империи в решении проблемы крестьянского малоземелья и хозяйственного «оскудения». Таким образом, в публицистическом сегменте историографии (А.А. Исаев [1], А.А. Кауфман [2], А.С. Ермолов [3] и др.) главным субъектом аграрных переселений однозначно признавался русский крестьянин, представляя собой, как правило, сплошную однородную массу.

Тем не менее эскалация переселенческого движения и рост миграционной активности населения центрально-черноземных губерний активно способствовали систематизации самого переселенческого дела, проведению экспертных работ в области организации выхода и водворения мигрантов. Этот процесс, в свою очередь, привёл к обсуждению проблем этнической гетерогенности переселенческого потока, его этнокультурной мозаичности. В поле зрения исследователей стали всё чаще попадать «пограничные» сословия, отличавшиеся от основной крестьянской массы и, в частности, однодворцы. Справедливости ради нужно отметить, что впервые однодворцы как участники переселенческого движения в Сибирь были упомянуты в специальной литературе ещё в период «киселёвских» переселений 1840-х гг. в работе Я. Соловьёва. Соловьёв, по роду своей деятельности хорошо знакомый с положением крестьянства в России, поставил вопрос о происхождении однодворцев, о возникновении самого термина «однодворец», о службе однодворцев в ландмилиции и об их земельном праве в XVII–XVIII вв. Исследователем было установлено, что в XVII в. те дети боярские, которые владели только собственными дворами и не имели дворов крестьянских, относились к категории однодворцев [4].

Во второй половине XIX столетия был опубликован широкий круг научно-публицистических статей и монографий, в которых авторы предметно, посредством исторических экскурсов характеризовали юридический статус однодворцев, элементы организации их хозяйственной деятельности и этнографического быта (В.И. Семевский [5], Г.Н. Шмелёв [6], Ф.А. Щербина [7], Н.А. Благовещенский [8], Г. Германов [9], Д.К. Зеленин [10]).

В частности, В.И. Семевский подробно описал повинности однодворцев, круг служебных обязанностей, специфику землевладения и землепользования локальной группы. Необходимо отметить продуктивный опыт исследователя по обнаружению и публикации наказов однодворцев, поданных в Уложенную комиссию. Обработка материалов, располагавшихся на стыке источников личного происхождения и официального делопроизводства, позволила автору сделать важный вывод о процессах имущественного расслоения в однодворческой среде, а также обозначить основные принципы государственной политики XVIII–XIX вв. в отношении данного локального общества. В.И. Семевский констатировал, что во второй половине XVIII в. однодворцы переживали

«сильное развитие имущественного неравенства». Причина подобной ситуации, по его мнению, коренилась в исторически сложившейся форме землевладения однодворцев – владении на вотчинном и помещичьем праве, отсутствии переделов земли в однодворческих поселениях. Правительственные мероприятия XVIII в., в частности межевая инструкция 1766 г., открывали пути к изменению форм землевладения однодворцев, но в конечном итоге фискальные интересы перевесили эти «благие намерения» и сорвали их. В аспекте формирования ментальности локальной группы, исследователем была зафиксирована прочная связь между отсутствием общинного пользования землей и слабой внутрисословной солидарностью однодворцев в отстаивании своих прав.

Проблема обстоятельств и условий развития групповой локализации однодворцев получила дальнейшее толкование в научных трудах и публицистических заметках Н.А. Благовещенского. Исследователь впервые обратился к опыту хозяйственной деятельности и повседневной жизни однодворческих групп в условиях четвертного права, подчеркнув приоритетную роль государственной политики в организации экономической деятельности и правового статуса однодворцев. В данном отношении Н.А. Благовещенский «педалировал» особую значимость исторической принадлежности однодворцев к служилому сословию, что способствовало закреплению традиций в сфере организации быта и поведенческих стратегиях. Так, на страницах «Вестника Европы» автор отмечал: «...являясь прямыми потомками служилого, помещичьего сословия, нынешние однодворцы не могли не унаследовать от своих предков той доли изолированности, которая была некогда создана личным испомещением служилого человека...» [11. С. 681].

Достаточно сказать, что в трудах названных исследователей были поставлены и в основном решены вопросы эволюции подворного четвертного владения в общинное, приведшей к частичному исчезновению «демаркации» между однодворцами и крестьянством (В.И. Семевский, Н.А. Благовещенский, Ф.А. Щербина, П. Зверев); формирования конфессиональной и этнической идентичности локальной группы (Я. Соловьёв, Д.К. Зеленин); культурной и социальной природы миграционной мобильности сословия (Г. Германов).

Знаковую роль в актуализации однодворческой проблематики в связи с задачами аграрной колонизации и переселенческого движения сыграла политическая ситуация на западных окраинах империи, где в продолжении 1830–1860-х гг. дискутировался и политически решался вопрос о статусе беднейших слоёв польской шляхты, переведённой в однодворческое состояние с последующей ликвидацией данного сословия де-юре в 1857–1858 гг. и окончательным причислением к крестьянам и мещанам в 1868 г. [12]. Именно в этот период впервые остро встал вопрос о переселении деклассированной, но сохранившей черты шляхетской идентичности (и потому политически опасной) группы в Сибирь, что в известной степени и на короткий срок реанимировало однодворческую проблему.

Следует отметить, что имперская позиция, сообщенная с которой переселенческое движение в Сибирь

рассматривалось в контексте доминирующей роли русского крестьянства, оказалась устойчивой и, что немаловажно, созвучной новым историографическим подходам, утверждение которых пришлось на советский период. В советской историографии окончательно возобладали марксистско-ленинская схема «единого крестьянского фронта», отрицавшая какие-либо национальные и социальные различия.

Идеологическая предопределённость фактически исключила однодворческую проблематику из круга вопросов, связанных с переселением этой локально-этнографической группы в Сибирь, переместив её в область социально-экономической истории XVI–XVIII вв. (Н.М. Дружинин [13], В.А. Александров [14], М.Д. Рабинович [15], Ф.И. Лаппо [16] и др.).

Так, Н.М. Дружинин определял новообразованную, юридически оформленную правительством Петра I категорию сельского населения – однодворцев в качестве особой группы феодально зависимого населения, являвшейся одним из разрядов государственных крестьян. Историк, в духе сложившейся исследовательской парадигмы, полагал, что однодворцы, подобно остальным разрядам государственных крестьян, являлись юридической принадлежностью основного носителя государственной власти и обладателя всей земли, не занятой частными собственниками – царю.

В.А. Александров, соглашаясь с выводами Н.М. Дружинина, оценивал положение мелких служилых людей в XVII в. как переходное и на этом основании усматривал их связь с потомками-однодворцами, обращенными в первой четверти XVIII в. в государственное крестьянство.

По мнению М.Д. Рабиновича, в XVII в. термин «однодворец» означал «имущественное состояние и степень боеготовности военных служилых людей юга страны», а после переписи 1710 г. «он покрыл собой, за малым исключением, все многочисленные прослойки и группы военных служилых людей старых (прежних) служб в Киевской и Азовской губерниях и сделался синонимом разновидности государственных крестьян» [15. С. 490].

Вопросы социально-экономической истории однодворцев оказались отражены в статьях и сообщениях Ф.И. Лаппо, исследовавшим указы однодворцев. Автором был произведён анализ погостных, уездных и провинциальных наказов однодворцев в Уложенную комиссию 1767 г. от Белгородской, Севской, Орловской провинций Белгородской губернии и Елецкой провинции Воронежской губернии. В процессе исследования Ф.И. Лаппо пришел к выводу о возможности использования этого вида источников путем сопоставления их с другими данными для изучения положения однодворцев, наблюдавшегося среди них процесса расслоения в середине XVIII в. Учёный установил присутствие демократической тенденции в содержании наказов, определив их как одну из форм протеста однодворцев против эксплуатации их помещиками и крепостническим государством.

В современных условиях развития историографии вопроса, сформировались благоприятные предпосылки для реализации задач, связанных с участием локально-этнографических групп в переселенческом

движении и определения их места в колониационном процессе. К числу таковых следует отнести ситуацию антропологического поворота в гуманитарной науке, что открыло широкие возможности обращения к современным научно-исследовательским практикам, позволяющим выйти из жёстких рамок, заданных позитивистской традицией отечественной историографии. В данном отношении важную роль исполняют достижения сопредельных истории наук – этнографии и этнологии, долгие годы посвятившие сбору, обработке и анализу фактического материала об этнографических группах русского народа, как в центре, так и на окраинах империи.

Так, в Западной Сибири сложилось несколько научных направлений, в эпицентре внимания которых сосредоточены следующие проблемы: процессы адаптации материальной культуры казаков и старообрядцев к сибирским условиям (О.Н. Шелегина); традиционная обрядность старожильческих и переселенческих групп русских сибиряков (Е.Ф. Фурсова); локальные варианты описания традиционной народной культуры русского населения Алтайского края (Т.К. Щеглова); сюжеты этнической истории и традиционной культуры различных групп русских сибиряков (М.Л. Бережнова, А.А. Крих); детерминирующие факторы миграционной мобильности, адаптационного потенциала и стратегий адаптивного поведения переселенцев в условиях риска (М.К. Чуркин, М.А. Нагорная); факторы и условия формирования современного этнического самосознания русского населения (М.А. Жигунова) и трансформации традиционной культуры русских сибиряков (Т.Н. Золотова, И.В. Чернова). Отдельное направление исследований составляет изучение переселения в Западную Сибирь в 1850–1860-х гг. статусной группы панцирных бояр (М.М. Громыко, Т.С. Мамсик, А.А. Крих, Р.Ю. Федоров), образовавших в Ишимском и Тарском округах несколько локальных групп.

Непосредственно проблемы переселения однодворцев в Западную Сибирь от 1840-х гг. до начала XX в. получили освещение в работах А.А. Крих, выявившей нормативно-правовые основания переселений и водворения однодворцев в губерниях и областях Западной Сибири [17]. Исследователем были изучены вопросы, связанные с первым массовым актом переселений однодворцев в Сибирь в период реформы государственной деревни графа П.Д. Киселёва. Отметим, что автору удалось обнаружить важнейшие принципы имперской политики в аграрном вопросе и колониационном деле, утверждавшихся в 40-х гг. XIX столетия и проявившихся в выборе основного субъекта аграрного освоения региона. В этом плане А.А. Крих справедливо отмечает, что имперские власти эпохи «киселёвских» реформ были заинтересованы в скорейшем лишении однодворцев признаков обособленной локально-этнографической группы и слиянии их с государственным крестьянством. Сам факт постановки такой задачи в правительственных сферах косвенно указывал на культурное и хозяйственно-экономическое своеобразие локальной группы. Кроме того, в работах А.А. Крих оказались выявлены основные территориальные очаги

расселения однодворцев в Западной Сибири (Омское Прииртышье), что даёт возможность, с опорой на материалы прошений и ходатайств переселенцев по разным поводам, делать выводы относительно практик адаптации сообщества однодворцев к природным и социокультурным условиям региона-реципиента, стратегий повседневного поведения группы в обстоятельствах принимающего общества.

И.В. Черновой, в контексте истории переселений однодворцев в сибирский регион, определены и уточнены ареалы размещения однодворческих семей в границах современной Омской области [18]. Важным сегментом авторских исследовательских практик следует признать обращение к микроисторическим сюжетам: семейным отношениям в однодворческой среде, что открывает широкие перспективы в решении вопросов о социальной идентичности однодворцев, элементы которой рельефно проявлялись в условиях региональной крестьянской повседневности, включая эпизоды взаимодействия с местным населением в местах водворения и обустройства.

В статьях М.К. Чуркина осваивается география размещения «однодворческих» групп в пределах Европейской России [19, 20]. Значительное место уделено определению принципов государственной политики в отношении аграрных переселений, участия и роли отдельных локальных сообществ в данном процессе. Однодворческая проблематика рассматривается в контексте миграционной мобильности сельского населения черноземного центра империи и базовых позиций правительственной бюрократии в организации переселенческого дела. В частности, автором высказана гипотеза, в соответствии с которой выбор

крестьянства в качестве главного субъекта переселений на восточные окраины страны способствовал словесной инкорпорации однодворцев в государственное крестьянство.

Таким образом, можно констатировать, что в отечественной историографии в продолжении длительного исторического отрезка осваивались по преимуществу вопросы социально-экономического статуса локально-этнографической группы однодворцев. Системным признаком однодворческой проблематики можно признать существование историографической полемики о процессах эволюции представителей сообщества от служилого сословия к государственному крестьянству. Между тем в контексте общей историографической тенденции, с достаточной степенью отчётливости, можно обнаружить подходы, в рамках которых происходила институционализация отношения к группе как локально-этнографическому сообществу с выраженными признаками отличной от крестьянской социокультурной идентичности.

Таким образом, перед исследователями открываются реальные перспективы заполнения лакун в означенной проблематике. К числу таких «белых пятен» в историографии следует отнести проблемы участия, а также роли локального сообщества однодворцев в переселенческом процессе, обстоятельства формирования и эволюции структурных компонентов региональной и социокультурной идентичности однодворцев в переселенческом процессе, стратегий социального поведения и адаптации однодворцев в сложных хозяйственно-экономических условиях региона водворения, влияния традиционной культуры южнорусского населения на культурный облик принимающего сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. 192 с.
2. Кауфман А.А. Переселение и колонизация: [С прил.]. СПб., 1905. IX, 349, 81 с.; табл. (Библиотека «Общественной Пользы»). Ч. 1: Государство и переселения. 1861–1894. Ч. 2: Переселения, их причины и значение для народного хозяйства.
3. Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. 291 с.
4. Соловьев Я. Об однодворцах // Отечественные записки. 1850. № 69. Отд. 2. С. 81–100.
5. Семевский В.И. Казённые крестьяне при Екатерине II // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 35–53.
6. Шмелев Г.Н. Несколько замечаний об однодворцах (Разбор исследования Н.А. Благовещенского). Харьков : Тип. Адольфа Дарре, 1901. 41 с.
7. Щербина Ф.А. Четвертное землевладение в Воронежской губернии // Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886. С. 460–485.
8. Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. 546 с.
9. Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежском крае // Западное географическое общество. 1857. № XII. С. 222–227.
10. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб. : Тип. А.В. Орлова, 1913. 558 с.
11. Благовещенский Н.А. Своеобразный институт у однодворцев // Вестник Европы. 1900. Т. 5, кн. 10. С. 675–692.
12. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 702–933.
13. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М. ; Л., 1946. Т. I, II. 632 с.
14. Александров В.А. К вопросу о происхождении государственных крестьян // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 90–96.
15. Рабинович М.Д. Судьбы «служилых людей старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века : дис. канд. ... ист. наук. М., 1953.
16. Лаппо Ф.Я. Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 232–264.
17. Крих А.А. Переселение однодворцев в Омское Прииртышье в первой половине XIX века: практика и планы // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посв. 300-летию Омска. Омск : Амфора, 2015. С. 342–345.
18. Чернова И.В. История расселения локальных групп переселенцев-однодворцев в Муромцевском и Горьковском районах Омской области на страницах районных газет // Третьи Ядринцевские чтения : матер. III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. Омск : Амфора, 2015. С. 414–416.
19. Чуркин М.К. Однодворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX в.) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 34–40.
20. Чуркин М.К. Сословная и этнокультурная идентичность российских однодворцев в переселениях второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 5 (9). С. 52–57.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 марта 2017 г.

RUSSIAN SMALLHOLDERS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 21ST CENTURIES: SOCIOECONOMIC STATUS, CLASS IDENTITY, MIGRATION MOBILITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 171–175.

DOI: 10.17223/15617793/419/23

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Keywords: smallholders; Russian historiography; peasantry; local ethnic groups.

The present article aims to identify and systematize the approaches in Russian historiography to the place and a role of local ethnic groups in the social processes of the Russian Empire. The analysis of the historiographical tradition of the question showed that problems of behavioral strategies and practices of the local smallholders community with its ethnocultural and economic originality was in the sphere of professional researchers' attention extremely seldom. At the same time, smallholders of the agricultural provinces of Russia represented a group with evident signs of a sociocultural identity. In historiography, this category of the South Russian population, whose representatives were descendants of the service class people of the 16th–17th centuries, was identified both as the nobility and as the peasantry. The complexity of identification generated research approaches within which authors focused attention only on the economic aspects of smallholders' activities. Nevertheless, it is already in the second half of the 19th century that authors gradually shifted their research attention from economic forms of smallholders' life to the cultural elements of the daily life of a local group. This tradition was interrupted during the Soviet period of historiography when, due to the ideological circumstances, local ethnic groups were excluded from research practices; the tradition was restored in modern Russian historiography. The approaches which are formed at the turn of the 21st century give historians and ethnographers an opportunity to have a more complete idea of behavioral practices of local communities in particular smallholders, in the sociocultural life of Russia. Researchers can study problems of migration mobility of the community, the strategy of adaptive behavior in the resettlement process (the smallholders were part of this process along with the state peasantry of different provinces of the empire), specifics of daily life and traditional culture. So, Russian historiography had long studied the problems of the social and economic status of the smallholders' local ethnographic group. Meanwhile, in the context of the general historiographical tendency there are approaches that allow researches to note features of the smallholders' sociocultural identity differing from the peasant one, which opens real prospects of filling the gaps in the problem.

REFERENCES

1. Isaev, A.A. (1891) *Pereseleniya v russkom narodnom khozyaystve* [Resettlement in the Russian national economy]. St. Petersburg: A.F. Tsinzerling.
2. Kaufman, A.A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za".
3. Ermolov, A.S. (1906) *Nash zemel'nyy vopros* [Our land issue]. St. Petersburg: Tip. V.Kirshbauma.
4. Solov'ev, Ya. (1850) Ob odnodvortsakh [On smallholders]. *Otechestvennye zapiski*. 69:2. pp. 81–100.
5. Semevskiy, V.I. (1879) Kazennyye krest'yane pri Ekaterine II [State peasants under Catherine II]. *Russkaya starina*. 25. pp. 35–53.
6. Shmelev, G.N. (1901) *Neskol'ko zamechaniy ob odnodvortsakh (Razbor issledovaniya N.A. Blagoveshchenskogo)* [A few remarks about smallholders (Analysis of N.A. Blagoveshchensky's research)]. Kharkov: Tip. Adol'fa Darre.
7. Shcherbina, F.A. (1886) Chetvertnoe zemlevladienie v Voronezhskoy gubernii [The quarter land ownership in the Voronezh Province]. In: *Voronezhskiy yubileynyy sbornik* [Voronezh Jubilee Collection]. Voronezh: Voronezh. gub. stat. kom.
8. Blagoveshchenskiy, N.A. (1899) *Chetvertnoe pravo* [Quarter law]. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i Ko.
9. Germanov, G. (1857) Postепенное rasprostraneniye odnodvortscheskogo naseleniya v Voronezhskom krae [Gradual distribution of the smallholder population in the Voronezh region]. *Zapadnoye geograficheskoye obshchestvo*. XII. pp. 222–227.
10. Zelenin, D.K. (1913) *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadneneznykh soglasnykh v svyazi s techeniyami pozdneyshey velikorusskoy kolonizatsii* [Great Russian dialects with an inorganic and intransitive softening of back-alveolar consonants in connection with the currents of the later Great Russian colonization]. St. Petersburg: Tip. A.V. Orlova.
11. Blagoveshchenskiy, N.A. (1900) Svoeobraznyy institut u odnodvortsev [A peculiar institution in smallholders]. *Vestnik Evropy*. 5:10. pp. 675–692.
12. Bovua, D. (2011) *Gordiev uzel Rossiyskoy imperii: Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)* [The Gordian knot of the Russian Empire: Power, the gentry and the people in Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Druzhinin, N.M. (1946) *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State peasants and the reform of P.D. Kiselev]. Vols I–II. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Aleksandrov, V.A. (1950) K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstvennykh krest'yan [On the origin of state peasants]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 90–96.
15. Rabinovich, M.D. (1953) *Sud'by "sluzhilykh lyudey starykh sluzheb" v period formirovaniya regul'arnoy russkoy armii v nachale XVIII veka* [The destinies of "servicemen of the old service" during the formation of the regular Russian army in the early 18th century]. History Cand. Diss. Moscow.
16. Lappo, F.Ya. (1950) Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik [Instructions of smallholders as a historical source]. In: *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 35. Moscow: USSR AS.
17. Krikh, A.A. (2015) [The resettlement of smallholders in Omsk Irtysh region in the first half of the 19th century: practice and plans]. *Tret'i Yadrintsevskie chteniya* [Third Yadrintsev Readings]. III all-Russian conference. Omsk: Amfora. pp. 342–345. (In Russian).
18. Chernova, I.V. (2015) [The history of the resettlement of local groups of settlers-smallholders in Muromtsevsky and Gorky districts of Omsk Oblast on the pages of regional newspapers]. *Tret'i Yadrintsevskie chteniya* [Third Yadrintsev Readings]. III all-Russian conference. Omsk: Amfora. pp. 414–416. (In Russian).
19. Churkin, M.K. (2016) Odnodvortsy tsentral'nykh i zapadnykh guberniy Rossii: faktory etnokul'turnoy identichnosti i migratsionnyy potentsial (XIX – nachalo XX vv.) [Smallholders of central and western provinces of Russia: the factors of ethnocultural identity and migration potential (19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya – Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 3 (12). pp. 34–40.
20. Churkin, M.K. (2015) Soslovnaya i etnokul'turnaya identichnost' rossiyskikh odnodvortsev v pereseleniyakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Class and ethnocultural identity of Russian smallholders in the settlements of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya – Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2015. 5 (9). pp. 52–57.

Received: 06 March 2017